

В диссертационный совет 03.2.010.01, созданный на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д.7,

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Лыги Алексея Петровича: «Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки)

Актуальность темы диссертации. Происходящие в последние годы изменения в политико-правовой жизни российского государства не могли не затронуть уголовное судопроизводство и непосредственно ту сферу процессуальных отношений, в рамках которых реализуются принудительные меры имущественного характера. Взятый государством курс на обеспечение имущественных прав участников уголовного судопроизводства дал свои результаты: приняты и вступили в силу федеральные законы, существенно расширяющие сферу правового регулирования имущественного принудительного воздействия; активизировались научные исследования по проблемным вопросам имущественного принуждения; усилилось внимание к применению мер имущественного принуждения на ведомственном уровне. Несмотря на предпринятые шаги, меры, ограничивающие имущественные права участников уголовного судопроизводства, обеспечивающие не только публичные, но и частные интересы, вызывают особую озабоченность в связи с тем, что большие сложности в процессе применения делают их малопривлекательными и недоступными для использования в практической деятельности. Одна из причин сложившейся ситуации в том, что применение мер процессуального принуждения, понимаемое в доктринальном смысле, не позволяет в полной мере увидеть и показать все особенности, проявляющиеся в процессе реального исполнения мер принуждения имущественного характера. При том, что

такие особенности не наблюдаются при исполнении других мер уголовно-процессуального принуждения, и соответственно требуют самостоятельного научного изучения.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют об обоснованности выбора темы диссертационного исследования, раскрывают ее практическое значение и актуальность.

Говоря о степени научной разработанности темы диссертации, нельзя не отметить, что исследования по рассматриваемой теме уже имели место в правовой науке. Проблемам имущественного принуждения в разное время посвящали свои работы известные российские ученые, а также молодые исследователи. Однако считать эту тему исчерпанной преждевременно. Большинство исследований осуществлялось либо до принятия действующего законодательства, либо в рамках более узкого или широкого предмета изучения. При этом проблемы исполнения мер имущественного принуждения не были предметом самостоятельного научного исследования. Поэтому соискатель делает правильные выводы, что вопросы прикладного характера, связанные с исполнением залога, наложением ареста на имущество и денежного взыскания целенаправленно не рассматривались.

Научная новизна диссертации проявляется в преемственности доктрины уголовно-процессуального принуждения и дальнейшем развитии концепции имущественного принуждения, выразившимся в разработке научной основы для корректировки законодательных положений, регламентирующих порядок применения залога, наложения ареста на имущество и денежного взыскания, посредством определения баланса частных и публичных интересов. Автором научно обоснованы и сформулированы конкретные предложения по оптимизации правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и суда при применении мер имущественного принуждения.

Теоретическая и практическая значимость диссертации обусловлена вкладом автора в решение научной задачи, имеющей значение для науки уголовного процесса; в устранении противоречий и восполнении пробелов в правовом регулировании мер имущественного принуждения; в разработке предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства. Ознакомление с результатами исследования позволит органам расследования и

судам наиболее эффективно действовать при избрании, применении и исполнении залога, наложения ареста на имущество и денежного взыскания. Автором разработаны и представлены в приложении к диссертации предложения по совершенствованию положений УПК РФ о залоге, наложении ареста на имущество и денежном взыскании.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивается комплексным характером проведенного исследования, используемой методологией, анализом и обобщением следственной и судебной практики, а также использованием результатов интервьюирования и анкетирования. В ходе исследования автором изучено и проанализировано 196 материалов уголовных дел, 215 судебных решений, размещенных в системе ГАС «Правосудие», опрошено и проведено анкетирование 176 дознавателей, следователей, 68 сотрудников территориальных органов ФСИН; использованы данные официальной государственной статистики из различных источников. На объективность и обоснованность выводов исследования безусловно повлиял личный опыт практической деятельности соискателя в течение пятнадцати лет в органах предварительного следствия.

Результаты проведенной диссертантом работы были **апробированы** в четырех научных и научно-практических конференциях разного уровня, а также отражены в одиннадцати публикациях автора в ряде изданий, в том числе пять статей в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Достижение целей и задач исследования обеспечено достаточной теоретической и нормативно-правовой базой. Особенно хочется отметить эмпирическую базу исследования. Автором изучены решения судов об избрании и применении, изменении, отмене мер имущественного принуждения с 2017 по 2022 год по четырнадцати субъектам Российской Федерации: Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Приморский края, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Московская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Псковская и Томская области.

Содержание работы соответствует теме и охватывает весь круг вопросов, касающихся исследуемой тематики. Структура работы замечаний не вызывает. В

ней в логической последовательности раскрыты все основные вопросы темы. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения, библиографии и приложений.

Научные выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, достаточно аргументированы и обоснованы. Рассматривая и анализируя историю имущественного принуждения в российском законодательстве, автор приходит к обоснованным выводам, что правовое регулирование данного института развивается под влиянием государственных преобразований в социально-экономической и политической жизни общества (с.40-41). Интересны мысли соискателя о причинах и основаниях институциональной трансформации мер имущественного принуждения от коллективного принуждения, к мерам индивидуального характера. Заслуживает поддержки утверждение о том, что «психологический и экономический эффекты, связанные с риском утраты собственности, следует считать высокоэффективным средством, оказывающим позитивное воздействие на поведение обвиняемого» (с. 26).

Исследуя правовую природу и сущность мер имущественного принуждения во втором параграфе первой главы диссертации, Алексей Петрович делает ряд важных выводов, заслуживающих поддержки, а именно: на эмпирическом уровне объектом исследования выступают конкретные нормы права, позволяющие определить сущность каждой меры имущественного принуждения (с.45); содержание статьи 106 УПК РФ указывает на межотраслевой, комплексный характер правовой природы залога, обусловленной его имущественным характером (с.47); заслуживают поддержки взгляды об обеспечении уголовно-процессуальной конфискации нормами УПК РФ (с.53); денежное взыскание применяется исключительно в рамках уголовного судопроизводства за совершение уголовно-процессуального правонарушения (с.61) и др.

Соотношению равнозначных публичных и частных правовых интересов участников судопроизводства при применении мер имущественного принуждения посвящен третий параграф диссертации. Ориентируясь на присущий уголовно-процессуальному закону механизм, «обеспечивающий частные и публичные интересы, действующий в рамках взаимодействия императивного и диспозитивного методов правового регулирования» (с.66), А.П. Лыга последовательно обосновывает

мысль, что залог, наложение ареста на имущество и денежное взыскание предназначены для достижения публичных целей уголовного судопроизводства (с.70), при том что, в результате развития публичного механизма повысилась обеспеченность и частных правовых гарантий (с.72). Рассматривая соотношение публичных и частных интересов, соискатель показывает, что применение рассматриваемых мер принуждения имеет определенную специфику и не всегда связано с преобладанием публичного интереса. При избрании залога частный интерес преобладает над публичным, при наложении ареста на имущество обеспечиваются как частный, так и публичный интересы. И только денежное взыскание всегда направлено на достижение публичных интересов.

Автор верно указывает, что цели применения рассматриваемых мер имущественного принуждения можно использовать в качестве критерия разграничения частных и публичных интересов. Представляет интерес высказанное соискателем в качестве примера предложение о разработке законодателем процедурного механизма замены предмета залога на имущество, которое залогодателю наиболее выгодно использовать для целей меры пресечения (с.76), либо использование данного механизма по аналогии при наложении ареста на имущество (с.77).

Похвально стремление автора диссертации предложить механизм принятия имущественного обеспечения в качестве предмета залога, посредством предоставления органу расследования полномочий по проверке достоверности информации, содержащейся в представленных стороной защиты документах об оценке предмета залога (с.80). Полагаем, что в решении этого вопроса можно быть более категоричным, возлагая на орган расследования соответствующие обязанности.

Вторая глава диссертации рассматривает порядок исполнения мер имущественного принуждения. Обозначив различия в терминах «избрание» и «применение» мер принуждения, автор последовательно рассматривает семантическое значение словосочетаний «применение нормы права», «применение меры пресечения» и приходит к логическому выводу, что «категория «применение права» является тождественной категории «избрание меры пресечения» (с.86), соответственно не следует отождествлять теоретическую категорию «реализация

права в форме применения норм права» и специальное уголовное-процессуальное понятие «применение меры пресечения» (с.88). Обстоятельно рассмотрев данные понятия, соискатель констатирует, что данные предписания не распространяются на меры имущественного принуждения, и в целом на меры, предусмотренные главами 12 и 14 УПК РФ, в связи с чем указывает на правовую неопределенность в разграничении деятельности, связанной с «избранием», «применением» и «исполнением» всех мер процессуального принуждения (с.93).

Рассматривая применение меры принуждения как последовательность определенных этапов, соискатель в качестве одного из этапов называет «исполнение мер принуждения» и обращает внимание на то, что правовое регулирование исследуемых мер принуждения не связывает деятельность, осуществляемую после отмены или изменения мер имущественного принуждения с применением этих мер, в то время как такие действия необходимы для завершения процесса применения мер принуждения (с.90). Это очень важное замечание, позволяющее понять процесс применения мер принуждения, в том числе выявить связь «исполнения мер принуждения» с деятельностью должностных лиц по выполнению правовых предписаний. На этом основании автор приходит к обоснованному выводу, что деятельность по исполнению мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера содержательно шире категории «применение меры пресечения», обозначенной в п.29 ст.5 УПК РФ (с.99).

Заслуживает внимания и поддержки сформулированное автором по результатам исследования доктринальное понятие исполнения мер имущественного принуждения в качестве самостоятельного этапа процессуальной, организационной и иной деятельности (положение № 4 и стр.99).

Следующие параграфы второй главы посвящены каждой отдельной мере имущественного принуждения.

Анализируя во втором параграфе особенности исполнения залога, автор обоснованно исходит из определяющей роли залогодателя, который инициирует возникновение и развитие правоотношений, связанных с залогом (с.102). В структуре исполнения залога А.П. Лыга выделяет три этапа, каждый из которых обстоятельно рассматривается и делаются заслуживающие внимания выводы, например, на этапе внесения залога автор рекомендует законодательно расширить

перечень имущества, допускаемого в качестве залога (с.107); на этапе содержания предмета залога и контроля за выполнением условий меры пресечения предлагается различать залог, примененный с запретами и без таковых (с.116); этап выполнения решения об отмене или изменении залога рассмотрен с точки зрения окончания процесса применения залога и высказаны предложения о необходимости совершенствования статуса залогодателя (с.122). Содержательные предложения о совершенствовании процессуального статуса залогодателя представлены на стр.126-127, в качестве проекта закона о дополнении ст.106 соответствующим примечанием.

Выявленные в ходе исследования особенности исполнения залога позволили автору выдвинуть обоснованный тезис о необходимости выделения еще одного этапа – подготовительного, в ходе которого создаются условия для избрания судом залога и последующего исполнения этого решения (с.124).

Особенности исполнения наложения ареста на имущество рассмотрены в третьем параграфе второй главы. Автор обстоятельно рассматривает и анализирует этапы производства по применению данной меры принуждения и приходит к следующим обоснованным выводам: начало деятельности по установлению имущества, подлежащего аресту, следует связывать с порядком реагирования правоохранительных органов на информацию о совершенном или готовящемся преступлении (с.129); легальными средствами установления имущества, на которое может быть наложен арест, а также определения его свойств, являются любые процессуальные и следственные действия (с. 135); подготовительный этап в производстве по наложению ареста на имущество является первоначальным в деятельности только на стадии предварительного расследования (с. 137); содержание процедуры исполнения решений суда о наложении ареста на имущество определяется такими факторами, как свойство субъекта права, вид объекта права, порядок учета имущественных прав и вид применяемого запрета (с. 141) и другие.

Определяя подходы к обеспечению хранения имущества и передаче его на хранение, который до настоящего времени не регламентирован в полной мере, автор верно исходит из того, что только признание имущества вещественным доказательством и помещение его в камеру вещдоков территориального органа или передача в финансовое подразделение, обладает уголовно-процессуальной природой. Другие порядки, такие как передача на хранение иному лицу, либо

хранение в помещениях или на прилегающей территории органа, обеспечиваются реализацией административных полномочий и не всегда ориентированы на соблюдение имущественных прав участников процесса (с. 144). В связи с этим А.П.Лыга делает вывод, заслуживающий внимания и поддержки: необходимо законодательное установление единого порядка хранения имущества, подвергнутого аресту и имущества, признанного вещественным доказательством (с. 145).

В последнем параграфе второй главы рассмотрены особенности исполнения денежного взыскания. Здесь автор развивает свой тезис о необходимости серьезного совершенствования законодательства, регламентирующего институт денежного взыскания и предлагает ряд обоснованных на наш взгляд предложений по изменению и дополнению ст.ст. 117 и 118 УПК РФ, а именно, о расширении перечня субъектов уголовно-процессуальной ответственности (с. 155, 167); в части увеличения размера денежного взыскания до 10 000 рублей (с. 163), и 20 000 при повторном нарушении (с.167); упрощения процедуры наложения денежного взыскания посредством предоставления органу расследования полномочий на принятие решения о наложении взыскания (с. 168) и другие.

На этом основании сформулировано авторское предложение о дополнении УПК РФ новой статьей 118.1, регламентирующей порядок исполнения денежного взыскания, что на наш взгляд, является достоинством данного исследования (с.170).

По ключевым вопросам диссертационного исследования мы разделяем позицию А.П. Лыги. Вместе с тем, есть ряд положений теоретико-правового и прикладного характера, требующих дополнительной аргументации и обсуждения в ходе публичной защиты.

1) В положении №2, выносимом на защиту, автор отмечает, что имущественный характер рассматриваемых мер принуждения не является системообразующим, что оправдывает их расположение в разных главах УПК РФ (стр.11). Полагаем, что избранная автором тема исследования говорит об обратном: именно имущественный характер залога, наложения ареста на имущество и денежного взыскания позволили автору объединить их в рамках отдельного предмета изучения, и рассматривать их в качестве элементов определенной системы – системы мер имущественного принуждения. То, что данные меры располагаются в

разных главах закона, свидетельствует о сложившихся традициях правового регулирования, качестве юридической техники и имеющихся перспективах для будущих научных исследований.

2) Требуют дополнительного пояснения формулировки автора, содержащиеся в положении №5 относительно придания залого публичного характера. Признавая, что в действующем законодательстве избрание залога поставлено в зависимость от волеизъявления обвиняемого и залогодателя, что показывает его частноправовую направленность, соискатель предлагает в качестве преодоления диспозитивности залога и «развития публичного порядка инициирования избрания залога» (с.175) применять его приоритетно в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. При этом автор и в отношении этих обвиняемых указывает на обязательность наличия ходатайства залогодателя или защитника. Полагаем, что таким средством нельзя преодолеть диспозитивность залога. Более того, природа залога не может быть иной, залог может применяться только при обязательном согласии и обвиняемого, и залогодателя. Публичность (императивность) залога проявляется в том, что одно лишь согласие участников стороны обвинения не вызывает применение залога.

3) Заслуживает одобрения предложение автора о предоставлении органу расследования полномочий по инициированию избрания залога (с.79), что согласуется с положениями ч.1 ст.97 и ст.98 УПК РФ. Однако неудачные текстовые формулировки, допускают мысль, что залог применяется следователем, дознавателем самостоятельно, посредством удовлетворения соответствующего ходатайства. Например, в предлагаемой авторской редакции ч.2 ст.106, следующий текст: «В случае заявления ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога лицами, указанными в ч.1 ст.108 УПК РФ, такое ходатайство подлежит удовлетворению следователем, дознавателем или судом с учетом особенностей, предусмотренных в указанной норме» (стр.79). Новая ч. 2.1, предлагаемая автором в качестве дополнения в ст.106 УПК РФ, не находится в системном единстве с обозначенным выше текстом. Поэтому можно лишь догадываться, что автор имел в виду под «особенностями, предусмотренными в указанной норме». Требуют редакторской правки в этой части отдельные предложения в положении № 5 выносимом на защиту.

4) Не можем согласиться с утверждениями соискателя на стр.49, а именно: «в ч.9 ст.106 УПК РФ предусмотрена мера *процессуальной ответственности* залогодателя»; «*процессуальная ответственность* за нарушение условий залога предусмотрена и за пределами ст.106 УПК РФ». В качестве примера последнего указывается на ответственность обвиняемого при изменении залога на более строгую меру пресечения. Для нас очевидно, что мера пресечения, применяемая в отношении подозреваемого, обвиняемого всегда имеет превентивный характер, что исключает ее карательный эффект и рассмотрение в качестве меры ответственности. Изменение залога на более строгую меру пресечения означает, что изначально принято не верное решение - избрана не надлежащая мера пресечения, не соответствующая личности обвиняемого и т.д. Потеря залогодателем залоговой суммы в случае ненадлежащего поведения обвиняемого также не может рассматриваться в качестве меры процессуальной ответственности хотя бы потому, что ответственность участника следует за неисполнением им процессуальной обязанности. А у залогодателя нет и не может быть процессуальных обязанностей по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого. Во всяком случае, законом они не обозначены. Даже в случае одновременного применения с залогом запрета определенных действий, соблюдение обвиняемым установленных запретов обеспечивается государственным органом, а не залогодателем.

Высказанные замечания в основном касаются дискуссионных вопросов теории уголовного процесса и не влияют на общий вывод и положительную оценку диссертации. Представленная работа является завершенным и цельным монографическим исследованием, написанным автором самостоятельно. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты и свидетельствует о личном вкладе диссертанта в науку уголовного процесса.

Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим **выводам**:

Диссертация Лыги Алексея Петровича «Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-

правовые науки, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовно-процессуальной науки.

Диссертация полностью соответствует требованиям пунктов 9-11, 13-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Лыга Алексей Петрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

Директор института права
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тольяттинский государственный
университет», доктор юридических наук,
доцент

Светлана Ивановна Вершинина

«13» ноября 2023 г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Адрес: 445020, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

Телефон: 8 (8482) 44-94-24

Адрес электронной почты: office@tltsu.ru

Официальный сайт организации: <https://www.tltsu.ru>

